УДК 910.1:911.53(091)

Эволюция подходов к культурному ландшафту в англо-американской и отечественной географии

И.И. Митин

Научно-исследовательский университет Высшей школы экономики.
Москва, Россия

Evolution of the Approaches to Cultural Landscape in Anglo-American and Russian Geography

I.I. Mitin

HSE University

e-mail: imitin@hse.ru

Summary. Three revolutionary changing approaches to cultural landscape are revealed in the Anglo-American academic tradition. The first – classic one – considers cultural landscape as a material natural landscape transformed by human activity. New cultural and humanistic geography give birth to the second approach focusing on immaterial sense, images and meanings by means of which people symbolically construct cultural landscapes. The third – critical – approach unites the multiplicity of lived social practices and differential human interpretations into the rematerializing cultural landscape. In Russia the similar classical approach is reinterpreted in the Soviet realm into an original definition of a cultural landscape as a material anthropogenic landscape transformed strictly in a productive positive manner. Post-Soviet Russian 'geohumanities' produce 3 original approaches to cultural landscape which are close to the definitions of new cultural and humanistic geography.

Keywords: ***cultural landscape, cultural and humanistic geography, Anglo-American geographical tradition, Russian geographical tradition, geohumanities, critical geography***

Резюме. В англо-американской академической традиции выявлены три основных революционно сменяющих друг друга подхода к культурному ландшафту. Первый – классический – рассматривает культурный ландшафт как преобразованный человеком материальный природный ландшафт. Второй подход, связанный с новой культурной и гуманистической географией, фокусируется на нематериальных смыслах, образах и значениях, которыми человек наделяет тот или иной участок пространства и конструирует культурные ландшафты. Третий – критический – подход указывает на множественность социальных практик проживания и сконструированных людьми интерпретаций, формирующих рематериализующийся культурный ландшафт. В российской географии при общности классического определения в советский период формируется оценочный подход к культурному ландшафту как правильно организованному антропогенному. В постсоветской России в рамках гуманитарной географии в

узком смысле разрабатываются три оригинальные трактовки культурного ландшафта, объединённые смысловой близостью к англо-американскому гуманистическому подходу.

Ключевые слова: ***культурный ландшафт, культурная и гуманистическая география, англо-американская географическая традиция, русская географическая традиция, гуманитарная география, критическая география***

Введение

В рамках ландшафтного подхода в географии ландшафт рассматривается как объект единой географической науки. Понятие культурного ландшафта в этом отношении для современного этапа развития географической среды и общества представляется синонимичным понятию ландшафта в силу всепроникающего влияния человека на географическую оболочку. В то же время культурный ландшафт – понятие и концепт, вокруг которого сложилась культурная география как субдисциплина (одна из географических наук). С этих позиций содержание понятия культурного ландшафта и его эволюция отражает – или, вернее сказать, определяет – основные этапы становления и последующего развития культурной географии.

В настоящей статье мы рассматриваем, как понятие культурного ландшафта трансформировалось по мере становления географической науки в англо-американской и отечественной традициях и, в частности, по мере институционализации и последующей трансформации культурной географии. В изучении этого процесса нас интересует не просто история формирования понятия и его применения на практике (Дружинин, Стрелецкий, 2015; Митин, 2011а; Стрелецкий, 2008, 2019, 2020), а, прежде всего, *периодизация и смысловая квантификация*: выделение ключевых этапов развития понятия и соответствующих им парадигм его интерпретации и указание на революционные изменения, соответствующие смене указанных этапов и парадигм.

Классический подход

Возникновение термина «культурный ландшафт», как правило, связывают с работами Отто Шлютера, определившего таковой как «материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека» (цит. по: Стрелецкий, 2019, с. 51). Однако формирование собственно *понятия* культурного ландшафта и ста-

новление первого – назовём его классическим – подхода к этому понятию следует связывать, прежде всего, с двумя географами немецкого происхождения, российским и советским антропогеографом Л.С. Бергом и основателем американской культурной географии К. Зауэром.

К. Зауэр в своей классической работе «Морфология ландшафта» (Sauer, 1925, 1963) акцентирует внимание на ландшафте как «ареале или регионе, созданном определённым сочетанием форм, природных и культурных» (Sauer, 1963, p. 321). С этой точки зрения именно ландшафтный подход признаётся ведущим в географической науке в целом, а феноменология ландшафта – главной задачей географии (Sauer, 1963, p. 320). При этом важность целостности в понимании ландшафта приводит К. Зауэра к формулировке единого подхода к ландшафту как единству физических форм, важных для человека и его деятельности на территории (Sauer, 1963, p. 325). Несмотря на это, в контексте подобного – морфологического – подхода К. Зауэр делает попытку выявлять разные целостные сочетания форм различного происхождения, выделяя природные и культурные ландшафты. Природные ландшафты существовали, по Зауэру, до «внедрения» в них человека и состояли из одного – исходного – сочетания морфологических факторов природного происхождения; в этом смысле они более не существуют. Культурные же ландшафты призваны выражать деятельность человека в природном ландшафте и опять-таки состоят из уже нового, модифицированного сочетания форм – как природного, так и культурного происхождения (Sauer, 1963, p. 333).

Таким образом, природный ландшафт, по К. Зауэру, есть сформированное с течением времени под воздействием целого ряда природных факторов закономерное сочетание природных форм (типов растительности, почв, климата и т.п.). Культурный же ландшафт возникает в результате воздействия человека и его культуры с течением времени на этот самый природный ландшафт как на готовый к преобразованию материал. Агентность культуры придаёт значимость именно вновь формируемым культурным формам, закономерное сочетание которых, складывающееся в результате переструктурирования природного ландшафта, и называется культурным ландшафтом (Sauer, 1963, p. 343).

Поразительно схожим образом устроена не менее легендарная для культур-географов статья Л.С. Берга «Предмет и задачи географии» (Берг, 1915): она также вводит и понятие ландшафта, и объявляет его основным объектом географической науки в целом, и, наконец, выделяет как отдельное понятие культурный ландшафт. Л.С. Берг определяет ландшафты

как «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли» (Берг, 1915, с. 469). При этом разделение ландшафтов на природные и культурные у Берга не динамическое, как у Зауэра, а более упрощённое: культурные отличаются от природных участием человека в своём создании (Берг, 1915, с. 471) в то время как исторический «сюжет» с наложением форм различного генезиса, важный для морфологического подхода К. Зауэра, тут не обнаруживается.

Зато даже в большей степени, нежели это акцентируется у Зауэра, Берг фокусирует внимание на целостности культурного ландшафта и на важности изучения взаимовлияний морфологических элементов, образующих в совокупности именно такое гармоническое, закономерное и типическое сочетание (группировку) природных и культурных форм на конкретной территории (Берг, 1915, с. 471).

Таким образом, классический подход к культурному ландшафту определяет его – как и ландшафт как таковой – как *целостную территориально локализованную совокупность элементов* на конкретной территории (в ареале, регионе). Культурный ландшафт представляет собой *преобразованный человеком природный ландшафт*. При этом, судя по всему, культурный ландшафт включает в себя, прежде всего, *материальные* элементы.

Вопрос о включении *нематериальных* элементов в культурный ландшафт в классическом подходе представляется нам дискуссионным. На наш взгляд, отсылки К. Зауэра к тем или иным *типам морфологических характеристик* как для природного, так и для культурного ландшафта (типу растительности, характеру расселения, типу жилища и др.) де-факто указывают на важность нематериальных элементов в научном обобщении процесса формирования культурных ландшафтов. В самом деле, *тип* растительности или тип жилища есть конструкт человеческой (научной географической) рефлексии, а «потрогать» в «реальности» можно лишь конкретную его проекцию, конкретное его воплощение в том или ином типичном доме или выстроенной на различных гипсометрических уровнях деревне.

Новая культурная география

Кризис классического подхода к культурному ландшафту и формирование новой культурной географии (*new cultural geography*) в англо-американской традиции обыкновенно связывают с культурным поворотом

(*cultural turn*), хотя картина соответствующих факторов была, на наш взгляд, более «объёмной». Общегеографические тенденции смены парадигм от школы пространственного анализа и количественной революции 1950-х годов через бихевиористскую революцию 1960-х к гуманистической географии 1970-х соответствуют, собственно, культурному повороту в географии. Дальнейшее его становление связано с известной синергией с развивавшимся немного позднее пространственным поворотом в социальных и гуманитарных науках (Митин, 2011б). Параллельно менее революционные изменения происходят внутри общественной (*human*) географии: формируется географическая эпистемология, ставится вопрос о природе географического знания (Wright, 1947; Lowenthal, 1961).

В результате к 1970-м годам классический подход К. Зауэра подвергается критике, и культурный ландшафт кардинально переосмысляется. Главный фокус этой критики – почти исключительно материальный характер культурного ландшафта в классическом понимании. Последователи К. Зауэра «фокусировали свои исследования на материальных артефактах, создавая любопытный и фундаментальный «объектный фетишизм» из домов, сараев, заборов и заправочных станций» (Price, Lewis, 1993, p. 5). Морфологическое понимание культурного ландшафта как сочетания природных и культурных форм на ограниченной территории уступает место новому определению, в фокусе внимания которого оказываются те значения и смыслы, которыми люди наделяют те или иные территории, наше знание о культурном ландшафте. «Символические качества ландшафтов – те, что создают социальные значения – оказываются в фокусе исследований» (Cosgrove, Jackson, 1987, p. 8). Культурный ландшафт предстаёт в виде «информации, сохранённой в символической форме, …которая отчасти функционирует как нарратив» (Rowntree, Conkey, 1980). Культурный ландшафт в новой культурной географии теперь можно изучать не только на местности; теперь этот «красочный способ репрезентации среды обитания человека может исследоваться через множество источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, образах в кино, так же как и на земной поверхности» (Daniels, Cosgrove, 1988, p. 8).

Это объединяет подход новой культурной географии с гуманистической географией, формирующейся как общегеографическая парадигма, сменяющая бихевиористский подход, в 1970-е годы. «Гуманистическая география достигает понимания мира человека путём изучения <…> географического поведения людей и их чувств и идей в отношении пространства и места… В центре внимания гуманисти-

ческой географии – люди, а ключи к его познанию – «человеческий опыт, понимание и знание» (Tuan, 1976, p. 266). Этот самый фокус на пространственные представления людей о конкретной территории и определяет новый подход к культурному ландшафту.

Итак, культурный ландшафт в рамках новой культурной и гуманистической географии представляет собой пространственное представление, значение, смысл, образ, которыми люди наделяют ту или иную территорию. Культурный ландшафт интерпретируется как текст, т.е. совокупность знаков и значений, которую можно конструировать («писать») и интерпретировать («читать»).

Ведущая роль человека в формировании культурного ландшафта, восходящая к классическому подходу, сохраняется, однако она по-новому интерпретируется: человек не адаптируется морфологически к природному ландшафту, а конструирует новый, свой собственный культурный ландшафт не как результат преобразования природных форм, а, прежде всего, как уникальное значение, смысл, образ, которые и определяют границы, состоятельность и уникальность конкретного культурного ландшафта. Речь теперь идёт не о взаимодействии и взаимовлиянии природных и культурных форм в материальном ландшафте, а о тех значениях и представлениях, которые определяют и объединяют в единое целое культурный ландшафт. Нематериальный компонент его становится ведущим, а материальный представляет собой форму локализации, конкретного пространственного воплощения этого конституирующего культурный ландшафт в рамках рассматриваемого подхода нематериального образа.

Сближение с гуманистической географией ставит вопрос если не о состоятельности, то о популярности понятия культурного ландшафта в рамках новой культурной географии: во многом оно оказывается менее значимым, чем вновь формулируемое понятие места. «Пространство трансформируется в место, как только получает определение и значение» (Tuan, 2002, p. 136). При этом ««место» может быть переосмыслено как нечто, пробуждающееся к существованию через человека и наделение им локальности значением» (Jeans, 1979, p. 207–208). Конструирование культурного ландшафта посредством его означивания фактически совпадает с превращением пространства в место: «создать (*to make*) место – значит окружить локальность человеческим значением» (Jeans, 1979, p. 209).

Если зауэровский культурный ландшафт был во многом синонимичен (культурному) району или региону, той ячейке пространства,

в которой специфическим образом происходила адаптация человеческого сообщества к уникальному природному ландшафту, то культурный ландшафт в новой культурной географии оказывается де-факто синонимичным новому понятию места. Значимость ландшафтного подхода в культурной географии снижается: нас интересует не столько уникальное сочетание компонентов ландшафта на ограниченной территории, сколько тот смысл, та посылка, то значение, которое объемлет и несёт в себе это сочетание. Топологическая, или локалистская традиция (по М.В. Рагулиной, 2004) теснит ландшафтную.

Критический подход

К началу 1980-х годов в англо-американской географии гуманистический подход подвергается переосмыслению и критике (Лебедева, Митин, 2019). Причины этого связывают с общим кризисом позитивизма и сциентизма и с институционализацией критической социальной теории, с одной стороны, а также с влиянием радикальной географии, с другой. Возникает критическая география как охватывающая все субдисциплины географической науки парадигма, которая в то же время позиционируется как «пост-дисциплина» с открытыми границами и остаётся в известной степени несформированным конгломератом разнонаправленных исследовательских программ.

Истоки радикальной географии, с одной стороны, связаны с общественными кризисами 1960-х – 1970-х годов и неомарксистским ответом на соответствующие вызовы. Это фокусирует критическую география на темах социальной справедливости, борьбы с неравенством, радикальных эколого-географических вопросах. С другой стороны, важный исток радикальной географии – в работах французской школы географии человека и «вышедших» из неё более поздних трудах Ж. Готтманна (Gottmann, 1951, 1952) и И. Лакоста (Lacoste, 2000). Это направление обусловило внимание критической географии к геополитике и, в свою очередь, трансформировало геополитику, обратив её к укрупнённому масштабу исследований, деглобализированной парадигме анализа локальных конфликтов вместо глобальной тематики передела зон влияния и баланса сил в мире в целом.

На критическую культурную географию (Cultural…, 2005) существенное влияние оказала концепция третьего пространства (*thirdspace*) Э. Соджи (Soja, 1996), вдохновлённая, в свою очередь, про-

странственной триадой А. Лефевра (Лефевр, 2015). Столь важная для классической геополитики и географического детерминизма дихотомия материального и нематериального в географическом пространстве объявляется в этих работах «двойной иллюзией». Третье пространство представляет собой взаимопроникающее «реальное-и-воображаемое» пространство, которое и представляется соответствующим «настоящей» пространственности (*spatiality*) и подлинному бытию общества; оно интерпретируется как проживаемое (*lived*) пространство, в котором живут люди. В соответствии со взглядами А. Лефевра на трансформации пространства в зависимости от общественно-экономических формаций возникает представление о приходящем на смену индустриальному обществу нового тотально урбанизированного общества и соответствующего ему пространства. Это вызывает к жизни переосмысление понятия города как нового главенствующего и всеохватывающего модуса пространства и новые концепции «городского» (*the urban*), существующего самостоятельно, вне связи с дихотомией «город – село» (Lefebvre, 2000, 2003; Soja, 2000; Brenner, Schmid, 2015).

Рематериализация культурной географии в ходе переосмысления наследия новой культурной и гуманистической географии (Lees, 2002) меняет представление о культурном ландшафте. В критической парадигме культурный ландшафт – это взаимосвязанное сочетание разнонаправленных материализованных социальных практик и соответствующих им множественных интерпретаций (значений) мест в тотально урбанизированном пространстве. Возникают или вновь актуализируются концепции культурного ландшафта как палимпсеста, интертекста, многоголосицы, ризомы, сложностности (Митин, 2022). Как и в рамках классического и особенно гуманистического подхода, люди наделяются агентностью, преобразующей и конструирующей культурный ландшафт, однако теперь речь идёт о гражданском обществе, множестве разнонаправленных действий активных граждан и сообществ, а не одном доминирующем воздействии государства и общества. Репрезентации этих действия выявляются в масштабе дома, двора, микрорайона, малого города в гораздо большей степени, нежели крупнейшего города или страны. Критическая культурная география обращается к пользовательской географической информации, качественным социологическим исследованиям, проектам современного искусства и паблик-арта для понимания трансформирующихся пространств повседневности.

В то же время важность понятия места, актуализированного новой культурной и гуманистической географией на предыдущем этапе развития науки, самого понятия культурного ландшафта и, в целом, ландшафтного подхода в географии, на наш взгляд, в рамках критической парадигмы снижается. Множественность культурного ландшафта в определённом «предельном» состоянии ставит вопросы о его целостности и взаимосвязанности, которые традиционно служат базовыми характеристиками ландшафта как феномена.

Российский путь

Эволюция понятия «культурный ландшафт» в отечественной географии началась в той же точке, что и в англо-американской географии, как мы показали выше, рассматривая единство классического подхода, сложившегося в работах как К. Зауэра в США, так и Л.С. Берга в нашей стране. Однако дальнейшие пути развития культурно-ландшафтных исследований кардинально разошлись.

Специфика «российского пути» теории культурного ландшафта уже была описана в академической литературе (Рагулина, 2004; Дружинин, Стрелецкий, 2008; Митин, 2011а; Стрелецкий, 2015). Выделение в этой истории качественно отличающихся подходов приводит к выводам о том, что первым таким подходом было советское антропогенное ландшафтоведение, в рамках которого культурный ландшафт рассматривался как «разновидность антропогенного ландшафта, созданного человеком сознательно путём изменения природного ландшафта в нужном направлении для хозяйственных целей» (Мильков, 1960, с. 85). Работы по антропогенному ландшафтоведению, особенно после знаменитой статьи экономико-географа Ю.Г. Саушкина о культурном ландшафте (Саушкин, 1946), в целом, повторяли классический подход Л.С. Берга, акцентируя внимание на преобразовании материального природного ландшафта человеком. Формальный запрет антимарксистского смешения природно-географического и экономико-географического в ландшафте вызвал к жизни лишь многочисленные декларации о необходимости создания «правильной» социально-культурной географии (см. подробнее: Митин, 2011а), но не новые подходы к определению культурного ландшафта. Новизна подхода проявилась в лоне отечественного ландшафтоведения в форме добавления *оценочных качеств* культурного ландшафта: не всякий

изменённый человеком ландшафт предлагалось называть культурным, а только «правильно», «в нужном направлении» изменённый.

Зарождение, собственно, культурно-географических подходов к культурному ландшафту, тем не менее, связано со снятием упомянутого выше идеологического запрета; и происходит оно с 1980-х годов в рамках сначала географии культуры, а затем и гуманитарной географии в узком смысле (Митин, 2012). В постсоветской географии обычно выделяют три основных подхода к понятию культурного ландшафта.

Информационно-аксиологический подход (культурный ландшафт как «целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей» (Веденин, 1997, с. 9) опирается на антропогенное ландшафтоведение, но с выделением самостоятельных взаимосвязанных природного и информационного слоёв в культурном ландшафте «перекидывает мостик» к похожим на западные гуманистические подходы определению, сфокусированному на значениях и смыслах территории.

Этнокультурный подход (культурный ландшафт в конкретном смысле как «природно-культурная среда развития конкретного местного сообщества» (Калуцков, 2000, с. 12)) опирается на классические определения, а также на достижения смежных гуманитарных наук, в том числе начала XX века, однако существенно дополняет его пониманием сообщества как не только продуцирующего значения культурного ландшафта, но и фиксирующего его смыслы в топонимике и фольклоре.

Наконец, феноменологический подход В.Л. Каганского («Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» (Каганский, 2001, с. 24)) указывает на продуктивное соединение классического и гуманистических подходов англо-американской географии, заключающееся в фиксации как материальных компонентов ландшафта, преобразовываемых человеком, так и его символических интерпретаций.

На наш взгляд, в целом, эти три укоренившихся за последние два десятилетия подхода к культурному ландшафта имеют существенные общие черты. Во-первых, это авторские подходы, которые часто фиксируют

индивидуальные исследовательские направления их создателей или формирующихся вокруг них школ. Автономность определяет известное дистанцирование от предшествующих подходов (в особенности зарубежных) и, как следствие, лишь выборочное заимствование «духа» (но не «буквы») классических или советских определений. Во-вторых, все они в сравнении с классическим подходом переносят фокус внимания на нематериальные элементы культурного ландшафта. В этой связи они оказываются максимально близки по своему содержанию подходу новой культурной и гуманистической географии в англо-американской традиции.

С нашей точки зрения – более узко – все три подхода к культурному ландшафту соответствуют определению гуманитарной географии в узком смысле, понимаемой в этой связи как оригинальной отечественной школы, заменяющей собой культурную географию (Митин, 2012). Поскольку этот тезис уже был подвержен критике (Стрелецкий, 2019, с. 69; Стрелецкий, Горохов, 2022, с. 381), нам кажется важным уточнить принципиальное свойство гуманитарной географии, объединяющего и указанные три основные подходы к культурному ландшафту, и многочисленные отечественные работы, формально «выходящие за рамки» изучения пространственных представлений как ядра гуманитарной географии. Речь идёт о том, что специфичными для гуманитарной географии служат «методологический подход к исследованию взаимодействия культуры и географического пространства, [который] предполагает выделение системы кодов и символов (языка) как промежуточного звена в системе «субъект – объект исследования» [и] принцип изучения культуры через язык её кодов и символов» (Замятина, Митин, 2007, с. 151). Именно подобная интерпретация уникальности конкретных культурных ландшафтов *как в материальном, так и в нематериальном отношении* с помощью тех или иных *знаков* или символов, равно как и развитие таких продуктивных концепций как территориальная (локальная, региональная) идентичность, региональный этос, локальный текст, пространственный миф и т.п., с нашей точки зрения, указывают на методологическое единство всех этих развивающихся подходов «под зонтиком» гуманитарной географии.

Заключение

Предпринятая в настоящей краткой статье попытка выделить в истории становления и развития понятия культурного ландшафта в англо-американской и отечественной географии позволяет говорить

о трёх эволюционно сменяющих друг друга подходах. Классический подход с фокусом на материальном преобразовании природного ландшафта человеком сменяется подходом новой культурной и гуманистической географии на Западе, переносящей внимание на значения и образы, которыми человек наделяет тот или иной участок пространства, конструируя таким образом место и культурный ландшафт. В смысловом отношении этот подход близок постсоветской традиции, складывающейся в гуманитарной географии в узком смысле. В СССР развитие классического подхода в рамках (природного) ландшафтоведения породило оценочное определение культурного ландшафта как «правильно» преобразованного материального антропогенного ландшафта. Наконец, в англо-американской критической географии культурный ландшафт рематериализуется и рассматривается как множественность практик людей, осваивающих ландшафт, и тех смыслов и репрезентаций, которыми он при этом наделяется.

Особенностью западной географии в постмодернистском «изводе» выступает сосуществование всех трёх подходов в актуальных культурно-географически исследованиях. Несмотря на то, что пик эмпирических работ, основанных на классическом зауэровском и гуманистическом подходах, прошёл несколько десятилетий назад, а в критическом подходе место культурного ландшафта оказалось ближе к академической периферии, все они продолжают использоваться в современных работах.

Противоречивость трёх подходов, революционно сменяющих друг друга в «мейнстриме» англо-американской географии, не отменяет – как оказалось – этой возможности сосуществования. Однако она существенно отличается от отечественной ситуации «российского пути», в котором из-за ограниченного использования каждым из подходов предшествующих подобная «пружина», отделяющая одну парадигму от другой, отсутствует. Сосуществование подходов тут из-за этого выглядит более естественным и «укладывается», на наш взгляд, в рамки одной (гуманитарной географии на современном этапе), а не нескольких школ.

В этой связи представляется, что ограниченно развивающиеся в настоящее время на постсоветском пространстве подходы критической географии в отечественном дискурсе в будущем также могут получить свою национальную интерпретацию внутри поля гуманитарной географии.

Литература

Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463–475.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 224 с.

Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 1. С. 5–20.

Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев – Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 96 с.

Лебедева Н.А., Митин И.И. От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. №1 (36). С. 197–220.

Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Мильков Ф.Н. Словарь-справочник по физической географии. М.: Географгиз, 1960. 271 с.

Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011а. №4 (5). С. 19–25.

Митин И.И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011б. №1. С. 62–73.

Митин И.И. Гуманитарная география: Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 1–10.

Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.

Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 171 с.

Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. Сб. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 97–106.

Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.

Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: Научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. №1 (36). С. 48–78.

Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 73–91.

Стрелецкий В.Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2022. Т. 86. № 3. С. 374–392.

Brenner N., Schmid C. Towards a new epistemology of the urban? // City. 2015. V. 19. No. 2–3. P. 151-182.

Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // Area. 1987. V. 19. No. 2. P. 95–101.

Cultural geography: A critical dictionary of key concepts / Ed. by D. Atkinson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne. London – New York: I.B. Tauris, 2005. 222 p.

Daniels S., Cosgrove D. Introduction: The iconography of landscape // The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge: Cambridge Un-ty Press, 1988. P. 1–10.

Gottmann J. Geography and international relations // World Politics. 1951. Vol. 3. No. 2. P. 153–173.

Gottmann J. The political partitioning of our World: An attempt at analysis // World Politics. 1952. Vol. 4. No. 4. P. 512–519.

Jeans D.N. Some literary examples of humanistic descriptions of place // Australian geographer. 1979. Vol. 14. No. 4. P. 207–214.

Lacoste Y. Rivalries for territory // Geopolitics. 2000. Vol. 5. No. 2. P. 120–159.

Lees L. Rematerializing geography: The 'new' urban geography // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26. No. 1. P. 101–112.

Lefebvre H. Writings on cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. Oxford: Blackwell, 2000. 250 p.

Lefebvre H. Urban revolution. Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. 196 p.

Lowenthal D. Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology // Annals of the Association of American Geographers. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260.

Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. 1993. Vol. 83. No. 1. P. 1–17.

Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 4. P. 459–474.

Sauer C.O. The morphology of landscape // Publications in geography. Berkeley: University of California, 1925. Vol. 2. No. 2. P. 19–53.

Sauer C.O. Land and life / Ed. by J. Leighly. Berkeley – L.A. – L.: University of California Press, 1963. 435 p.

Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Malden, MA – Oxford – Carllton: Blackwell Publishers, 1996. 332 p.

Soja E.W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. Oxford – Malden, MA: Blackwell, 2000. 440 p.

Tuan Y.-F. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. No. 2. P. 266–276.

Tuan Y.-F. Space and place. The perspective of experience. 9th ed. Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 2002. 236 p.

Wright J.K. Terrae incognitae: The place of the imagination in geography // Annals of the Association of American Geographers. 1947. V. 37. No. 1. P. 1–15.